

А

Мария Волконская

Записки

Воспроизводится по: "Своей судьбой гордимся мы". Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973 г.

"Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание. 2006 <http://imwerden.de>

Господь решит окованныя...

Господь возводит низверженныея...

Псалмы 145, 144

Миша мой, ты меня просишь записать рассказы, которыми я развлекала тебя и Нелли в дни вашего детства, словом -- написать свои воспоминания. Но, прежде чем присвоить себе право писать, надо быть уверенным, что обладаешь даром повествования, я же его не имею; кроме того, описание нашей жизни в Сибири может иметь значение только для тебя, как сына изгнания; для тебя я и буду писать, для твоей сестры и для Сережи с условием, чтобы эти воспоминания не сообщались никому, кроме твоих детей, когда они у тебя будут, они прижмутся к тебе, широко раскрывая глаза при рассказах о наших лишениях и страданиях, с которыми, однако же, мы свыклись настолько, что сумели быть и веселы и даже счастливы в изгнании. Я здесь сокращу то, что так вас забавляло, когда вы были детьми: рассказы о счастливом времени, проведенном мною под родительским кровом, о моих путешествиях, о моей доле радостей и удовольствий на этом свете. Скажу только, что я вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского, вашего отца, достойнейшего и благороднейшего из людей; мои родители думали, что обеспечили мне блестящую по светским воззрениям, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно сквозь подвенечный вуаль, мне смутно виднелась ожидавшая нас судьба. Вскоре после свадьбы я заболела, и меня отправили вместе с матерью, с сестрой Софьей и моей англичанкой в Одессу на морские купания. Сергей не мог нас сопровождать, так как должен был по служебным обязанностям остаться при своей дивизии. До свадьбы я его почти не знала. Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не имела понятия о существовании тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле.

Он приехал за мной к концу осени, отвез меня в Умань, где стояла его дивизия, и уехал в Тульчин -- главную квартиру второй армии. Через неделю он вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: "Вставай скорей"; я встаю, дрожа от страха. Моя беременность приближалась к концу, и это возвращение, этот шум меня испугали. Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивая, в чем дело? "Пестель арестован". -- "За что?" Нет ответа. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видела, что он был грустен, озабочен. Наконец, он мне объявил, что обещал моему отцу отвезти меня к нему в деревню на время родов, -- и вот мы отправились. Он меня сдал на попечение моей матери и немедленно уехал; тотчас по возвращении он был арестован и отправлен в Петербург. Так прошел первый год нашего супружества; он был еще на исходе, когда Сергей сидел под затворами крепости в Алексеевском рavelине.

Роды были очень тяжелы, без повивальной бабки (она приехала только на другой день). Отец требовал, чтобы я сидела в кресле, мать, как опытная мать семейства, хотела, чтобы я легла в постель во избежание простуды, и вот начинается спор, а я страдаю; наконец, воля мужчины, как всегда, взяла верх; меня поместили в большом кресле, в котором я жестко промучилась без всякой медицинской помощи. Наш доктор был в отсутствии, находясь при больном в 15 верстах от нас; пришла какая-то крестьянка из нашей деревни, выдававшая себя за бабку, но не смела ко мне подойти и, став на колени в углу комнаты, молилась за меня. Наконец к утру приехал доктор, и я родила своего маленького Николая, с которым впоследствии мне было суждено расстаться навсегда {Сын Николай родился 2-го января 1826 г., умер в

А